

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог.....	5
Глава 1	9
Глава 2	18
Глава 3	31
Глава 4	41
Глава 5	54
Глава 6	62
Глава 7	73
Глава 8	91
Глава 9	108
Глава 10	121
Глава 11	138
Глава 12	153
Глава 13	168
Глава 14	181
Глава 15	189
Глава 16	196
Глава 17	205
Глава 18	215
Глава 19	228
Глава 20	243

Глава 21	258
Глава 22	267
Глава 23	280
Глава 24	290
Глава 25	305
Эпилог	311

ПРОЛОГ

Он всегда общался с духами. Сколько себя помнил.

Филип не боялся их голосов. С самого детства он ощущал чье-то присутствие возле себя, с самого рождения слышал тихий шепот и крики тех, кого не было рядом. Тех, кто давно ушел из мира живых. «Свет, который излучает твоя душа, — говорили они, — он словно маяк, выводящий нас из темноты».

Их было много. Больше, чем он мог вынести. Бестелесные сущности окружали его, пробирались в его сознание и говорили, говорили, говорили... Каждому из них было что сказать, и каждый хотел быть выслушанным.

Мать водила Филипа к экзорцисту, заворачивала сына в простыни, пропитанные святой водой, и вместе с ним стояла на коленях, слезно моля Господа избавить его от присутствия бесов. Однако ничего из этого не могло помочь ему. Свет Филипа

не был дьявольским проклятием — нет, он являлся даром. Даром, который при правильном использовании смог бы избавить мир от зла и спасти многих. Но в то же время он был тем даром, который когда-то должен был погубить немало жизней.

Духи не таясь рассказывали ему о причинах смерти, и из-за таких откровений Филип решил стать доктором. Он хотел использовать все возможности медицины и лечить даже самые серьезные заболевания. Упорный труд и редкая способность к обучению сделали из него грамотного целителя, а спустя время ему удалось стать тем, кого с почтением называли не иначе как доктор Вуд.

Несмотря на многочисленные достижения и всеобщее уважение, Филип был несчастным. Голоса усопших по-прежнему оставались с ним и неустанно терзали его разум. Неприкаянных душ, нашедших его свет, становилось все больше, и они говорили наперебой, не давая ему ни секунды покоя, что утомляло и истощало молодого доктора. По этой причине всего в тридцать лет на голове Филипа Вуда появилась густая прядь седых волос.

В какой-то момент Филипу показалось, что он начал сходить с ума. Ему отчаянно хотелось заглушить голоса и избавиться себя от мучительного присутствия десятков душ, разрывающих его сущность.

И тогда появилась она.

Ее сила казалась безграничной. Филип не знал, как ей это удалось, но с ее приходом он перестал чувствовать возле себя кого-либо, кроме нее. Ее энергия была мрачной и тоскливой, жуткой и ту-

манной, но вместе с тем ее душа излучала что-то еще. Что-то, что цепляло Филипа и располагало его.

Она говорила, что умерла молодой девушкой. Умерла в страданиях по вине других людей. Может, жалость к чистому созданию заставила Филипа привязаться к ней, а может, обаяние ее души сделало его заложником ее чар — он не знал и даже не хотел об этом думать. Другое волновало Филипа: что он мог сделать, чтобы наконец-то суметь увидеть девушку, погибшую не меньше ста лет назад? Что он мог сделать, чтобы прикоснуться к ней, почувствовать тепло ее тела и просто ощутить ее присутствие не только духовно, но и физически?

И она, конечно, знала ответы на его вопросы. Их план, составляемый долгие месяцы, был продуман до мелочей. План, который должен был вновь сделать ее живой.

Неожиданно для себя Филип понял, что готов был пойти на что угодно, лишь бы просто видеть ее рядом с собой. Его странная любовь заставила его уйти с хорошего места работы и переехать в крошечный и грязный город. Она сказала, что это необходимо. Она сказала, что так будет правильно.

— Ты нашел его? — спрашивал голос из темноты. — Того, кто сможет нам помочь?

Филип смотрел в никуда.

— Я узнавал о нем, — ответил он. — Этот мастер нелюдимый и одинокий. Слава о его работах ходит даже за пределами Хэмворда, и, кажется, он действительно талантлив. Все так, как ты хотела.

Ее улыбку невозможно было увидеть, но она слышалась в каждом ее слове.

— Прекрасно, — отозвалась темнота. — Осталось совсем немного.

ГЛАВА 1

Крупные косые струи ударялись о стекла с неприятным барабанным стуком. Дождь лил с такой силой, словно делал это в последний раз, и человек, не знакомый с местным климатом, может, подумал бы, что так оно и есть. Однако постоянные жители Хэмворда знали наверняка: случится в точности наоборот. Дожди здесь были частым явлением, если не сказать постоянным. Особенно осенью: в это время года ощутить на своей коже приятные солнечные лучи считалось настоящей роскошью.

Женщина бросила взгляд в окно, и на ее лице застыла гримаса отвращения. Для прекрасной половины населения такая погода была настоящей пыткой, привыкнуть к которой было невозможно. Женщина сердито надула и без того пухлые щеки и мысленно прокляла мужа, который занял на вечер их единственную повозку. «Все юбки измараю, пока дойду до дома», — думала она. Грязь лежала

слоями на каждой улице города, где-то больше, а где-то меньше. К сожалению, «Дом игрушек Тодда Эддерли» располагался именно в том месте, где слой вязкой жижи был неприлично толстым.

Женщина внезапно осознала, что не хотела выходить из помещения. Здесь, в светлой комнате с деревянным прилавком и полками, заставленными искусно выполненными игрушками, было уютно, тепло и сухо. Она прекрасно понимала, что стоит ей только выйти за порог — и она сразу окажется в совершенно другой обстановке. Ей так не хотелось возвращаться в свою жизнь, и женщина помолилась, чтобы владелец лавки задержался подольше. Однако громкие неторопливые шаги напомнили ей о том, что она не сможет находиться здесь бесконечно.

Женщина посмотрела на лестницу: молодой мужчина спускался с небольшой коробкой в руках. Нескладное телосложение делало его движения неуклюжими: изрядно вытянувшись еще в подростковом возрасте, он, казалось, до сих пор не мог привыкнуть к длине своих тонких рук и ног. Издалека Тодд Эддерли выглядел не до конца сформированным юношей; по крайней мере, ему сложно было дать больше двадцати пяти лет. Но на близком расстоянии, когда на его бледном лице становились видны покрасневшие глаза и расположившиеся под ними темные, почти фиолетовые круги — свидетели неустанной кропотливой работы, — тогда его возраст в глазах наблюдателя значительно увеличивался.

— Простите за долгое ожидание, миссис Парсон, — сказал Тодд, аккуратно поставив коробку на стол.

— Пустяки, — сконфуженно отмахнулась женщина, пропустив сквозь пальцы конец своего шарфа. Однако любопытство взяло верх над смущением, и она нетерпеливо потребовала: — Ну же, открывайте!

Тодд улыбнулся краешком губ и медленно поднял крышку. Миссис Парсон заглянула внутрь коробки и восторженно ахнула: там на листе белой шуршащей бумаги лежала кукла необыкновенной красоты; она смотрела на двух людей снизу вверх распахнутыми глазками.

Дама осторожно, практически не дыша поднесла руки к коробке и, выудив оттуда куклу, принялась с восхищением разглядывать ее. Детальный осмотр подтвердил, что игрушка была идеальной: румяные щечки, лоснящиеся светлые локоны, живой взгляд в обрамлении густых ресниц — ее красота завораживала. А платье, какое на ней было платье! Пестрые юбки, обшитые мелким кружевом, создавали впечатление, что, будь эта девочка настоящей, она росла бы в семье с отнюдь не плохим достатком.

— Мистер Эддерли... — прошептала миссис Парсон, прижимая куклу к груди, и ее глаза наполнились слезами. — Она прекрасна! Такая работа стоит куда больше тех грошей, что вы с нас взяли.

Тодд смущенно пригладил взлохмаченные волосы.

— Все в порядке, миссис Парсон, — заверил он. — Главное, чтобы Эшли была счастлива.

— О, она будет, будет! — воскликнула женщина и, не в силах больше держаться, расплакалась.

Тодд опешил от ее проявления чувств и, не зная, как себя вести, опустил взгляд и принялся подтя-

гивать к локтям серые, испачканные краской рукава своей рубашки.

Он давно знал о несчастье семьи Парсон, но познакомился с ними лично всего пару месяцев назад, когда супруги пришли в его лавку, чтобы заказать куклу для своей тяжелобольной дочери. Тодду было известно, что семья больше года провела в нескончаемых визитах к врачам из разных городов, но все они как один разводили руками. Что это за хворь — никто не знал, и супругам Парсон не оставалось ничего, кроме как остаться в родном городе, доверив наблюдение за дочерью местному доктору. Это решение они приняли не по своей воле, а скорее от безысходности: все деньги были потрачены, и им приходилось только смириться и ждать злополучного часа, стараясь хоть как-то скрасить последние мгновения жизни Эшли.

Зная о непростой ситуации этой семьи и их тяжелом финансовом положении, Тодд не смог назвать настоящую цену за нужную им куклу. Он ограничился совсем маленькой суммой, за которую в итоге сделал, пожалуй, одну из лучших своих работ.

Миссис Парсон вытерла уголки глаз предложенным носовым платком.

— Простите, — произнесла она. — Просто этот день рождения... — Глаза женщины вновь заблестели от подступивших слез. — Боюсь, он станет для нее последним.

Она продолжала плакать еще несколько минут, показавшихся мастеру целой вечностью, а потом, словно опомнившись, сообщила, что на сегодня у нее запланировано немало дел. Миссис Парсон еще раз душевно поблагодарила Тодда, аккуратно

уложила куклу обратно в коробку и, спрятав ее под прохудившееся пальто, удалилась из лавки.

Тодд еще какое-то время тоскливо смотрел на закрывшуюся за ней дверь. Редкие разговоры с посетителями были всем, что разбавляло его одиночество, и ему становилось по-особенному грустно, когда он вновь оставался наедине с гнетущей тишиной.

Тодд обвел взглядом полки с игрушками. Бесконечные ряды разного рода зверья и кукол смотрели на него полными задора глазами. «Какие прелестные!» — восклицал каждый, кто входил в его лавку. «Прелестные, — соглашался Тодд про себя. — Только совершенно пустые».

Мастер обратил внимание на окно и обнаружил, что дождь утих и его мелкие остатки ползли по стеклам, словно слезы по щекам тоскующего. Люди ненавидели Хэмворд за его погоду, а Тодд, напротив, любил. Было в этой мрачной серости что-то, что отражало состояние его души. Словно город чувствовал его, словно понимал.

Тодд вновь погрузился в неприятные мысли о том, что все его близкое окружение состояло из бездушных кукол с застывшими улыбками на лицах. Это навеяло ему воспоминание о дне, произошедшем не меньше полугода назад, когда на пороге его лавки появился незнакомый мужчина лет тридцати пяти с седой прядью в каштановых волосах. Он разглядывал прилавок с каким-то загадочным, почти таинственным молчанием, а потом тихо, но уверенно произнес:

— Жутко.

Тодд опешил, но ничего не ответил на такой необычный комментарий о своих работах. Он ре-

шил дожидаться, когда незнакомец сам все объяснит, и тот объяснил.

— Куклы, — проговорил он мягко. — Они словно живые дети. Смотрят так честно и наивно... — Он остановился, рассматривая игрушку перед собой, а после поднял взгляд на Тодда и продолжил: — В глаза, прямо в глаза. Так глубоко внутрь, словно сквозь них видят наши души.

Тодд молчал, переваривая сказанное. Прежде о его работах отзывались восторженно, а теперь он не мог понять, рассматривать мнение посетителя как комплимент или, напротив, считать его оскорблением.

— Обычно, — произнес Тодд с плохо скрываемой обидой в голосе, — люди говорят, что мои куклы красивые.

— Красивые, — согласился мужчина, не думая ни секунды. — Жутко красивые.

Они помолчали какое-то время, вместе рассматривая мастерски выполненные работы. Незнакомец разглядывал их с интересом, присущим всякому, кто видел перед собой что-то новое, а Тодд — с пытливой придирчивостью, пытаясь обнаружить в них то, что видел посетитель.

— Вы когда-нибудь слышали о големах? — повис в воздухе внезапный вопрос.

— Нет. — Тодд обратил на собеседника заинтересованный взгляд.

— Громадные изваяния, созданные из камня и глины, — объяснил тот. — С помощью заклинаний и молитв люди могли оживлять их. Жаль только, что существа получались на редкость уродливыми и несуразными. Вот если бы проделывать такой трюк с ними. — Мужчина обвел рукой

полку с куклами. — Мистер Эддерли, вы могли бы создать идеального человека.

Эти слова, неосторожно сказанные им в качестве шутки, заставили Тодда глубоко задуматься. Двадцать восемь лет, которые и были для него всей жизнью, он ощущал себя глубоко одиноким, и единственным его желанием было видеть рядом с собой человека, который бы его любил.

Горожане всегда считали Тодда замкнутым, и это было правдой: из-за своей робости он редко проявлял инициативу в общении с другими. Жители Хэмворда не раз между собой называли его нелепым и чудаковатым, что, впрочем, тут же объяснялось его творческим складом ума. «Изобретатели, — говорили люди, крутя пальцем у виска. — Они же все такие, с причудой». Однако им было невдомек, что тот юродивый парень из лавки страдал от тоски.

Тодд не понимал, почему все его сторонились. Да, они могли обмениваться с ним парой-тройкой фраз, рассказать о делах и посетовать на непрекращающиеся дожди, но заводить с ним крепкую дружбу никто не хотел. Так было всегда, с самого его детства. Поначалу это удивляло его, потом злило, но всем известно, что человек привыкает ко всему, и Тодд привык к своему одиночеству. Привык, но смириться с ним никак не мог. Тишина угнетала его каждый день, а отсутствие человеческого тепла заставляло сильнее ощущать ухудшающуюся погоду. Холод пронизывал его до самых костей или даже глубже — проникал в душу.

Тодд и раньше чувствовал, что потихоньку сходил с ума, но тогда осознал, что обезумел окончательно. Желание создать человека, единственного

человека, принадлежащего только ему, брало верх над остатками здравого смысла.

Оборвав воспоминание о дне, когда он узнал о големах, Тодд глубоко вздохнул. Он не спеша поднялся на второй этаж, где находились его спальня и мастерская — самая важная для ремесленника комната. Здесь, среди кучи бумаг, искусственных волос, заготовок для глаз, среди испачканных краской полотенец и глубоко въевшегося в стены запаха лака, его взгляду предстал силуэт, накрытый плотной простыней.

Тодд медленно, почти с упоением снял ткань, отошел на пару шагов назад и восхищенно уставился на фигуру, выполненную в человеческий рост. Эта кукла была как раз закончена, и выглядела она прекрасно. Ее тело было не бесформенным, какое мастер по обыкновению изготавливал для детских игрушек, — нет, эта фигура в точности повторяла изгибы тела настоящей женщины: полная грудь, узкая талия, длинные ноги, руки с тонкими запястьями и аккуратными пальчиками.

Немало времени ушло у Тодда, чтобы создать этот шедевр. Мастер работал над куклой днями и ночами, высчитывая идеальные пропорции тела и лица. Он создавал свой собственный идеал, и чем дольше он трудился над этим, тем меньше ощущал тонкую грань, отделяющую его грезы от реальности.

Тодд подошел к кукле и внимательно всмотрелся в ее лицо. Зеленые глаза, устремленные в никуда, игриво вздернутый нос и тонкие губы, застывшие в легкой улыбке, — именно так выглядела идеальная женщина в его фантазиях, и ему удалось изобразить ее в точности, до мельчайших деталей.

Тодд аккуратно провел ладонью по ее длинным темным волосам и нежно улыбнулся. Оставалось всего ничего — лишь вдохнуть жизнь в это прекрасное создание.

Дождь забарабанил по окнам с новой силой. Мастер вспомнил еще один отрывок диалога с посетителем.

— *А какие нужны были заклинания? — глухо спросил Тодд, сглотив подступивший к горлу ком. — Какие молитвы?*

— *Думаю, заклинания не играли в этом особой роли, — деловито ответил незнакомец. — Достаточно было лишь желания. И немного крови.*

